

ся любви, изрѣдка слабое, минутное одушевленіе и романтическая симпатія съ бѣдной природой сѣвера—таковы любимые сюжеты г-жи Галиной. Лѣтъ 40—50 назадъ, во времена Жадовской и Хвоцинской, эти стихи нашли бы, вѣроятно, обширный кругъ читателей; но и теперь лучшія изъ стихотвореній г-жи Галиной (какъ „Любовь“, „Мимоза“, „Я смѣюсь оттого“ и др.), безъ сомнѣнія, еще найдутъ себѣ благодарныхъ читателейницъ, которые узнаютъ въ ея стихѣ выраженіе своихъ собственныхъ чувствъ,—„и чье-нибудь онъ сердце тронетъ“. Къ сожалѣнію, г-жа Галина не ограничивается этой узкой, но единственно посильной ей сферою: она пишетъ и „идейныя“ стихотворенія, которыя почти всѣ неудачны. Большею частью не удаются ей и попытки украсить свой стихъ образами: „морозъ прикоснулся къ мечтамъ охладѣвшимъ дыханьемъ разсудка“, стихъ ея „порхаетъ мотылькомъ по розамъ счастья“, она не желаетъ „кадить жрецамъ еиміамомъ вдохновенья“, смерть идетъ „холодною“ стопою и проч. Стихъ г-жи Галиной, конечно, не отличается силою, рима—избитая, изъ тѣхъ, что разумѣются сами собою. Сборнику придаетъ большую монотонность однообразіе размѣра: добрыя три четверти стихотвореній написаны строфою, гдѣ оба внутреннѣйшихъ стиха римаются другъ съ другомъ, а четвертый—съ первымъ.

✓ **Ееодосія Савиновъ. Стихотворенія. 2-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к.**

Сложное чувство овладѣло нами при одномъ видѣ этой книжки, оно росло и увеличивалось, пока мы прочитывали всего *пять* страницъ, затѣмъ стало падать, затѣмъ прошло, какъ и „все проходить“.

Это чувство представляло собою смѣсь: недоумѣнія, удивленія, умиленія, любопытства, ожиданія. Оно появлялось какъ-то сразу и частями по мѣрѣ чтенія все тѣхъ же пяти страницъ. Какое значеніе иногда могутъ имѣть *пять страницъ!*

Недоумѣніе овладѣло нами при первомъ взглядѣ на обложку. Розовая бумага, кричащій амуръ, лира, женщина въ какомъ-то очень древнемъ платьѣ и внизу подпись: „О. Ренаръ“,—видимо это не шутка. Въ общемъ рисункъ даже съ какимъ-то настроеніемъ и не противенъ.

Недоумѣніе возросло еще болѣе и перешло въ *удивленіе*, когда мы отвернули обложку и на заглавномъ титулѣ прочитали: „2-е дополненное изданіе“. Что бы это могло значить—2-е изданіе?... И мы сдѣлали себѣ рѣзкій упрекъ за незнаніе, даже полное незнакомство съ первымъ изданіемъ стиховъ г-на Ееодосія Савинова. 2-е изданіе проходитъ мимо публики незамѣтно, безъ шума! Мы почувствовали себя *заинтересованными* и перевернули страницу. Первое стихотвореніе... нѣтъ—по срединѣ страницы написано просто: „Дорогой мамѣ“ и больше ничего. Здѣсь мы почувствовали въ сердцѣ своею *умиленіе*. Наконецъ, первое стихотвореніе: „*Crede!*“ Понятенъ интересъ къ стихотворенію съ такимъ заглавіемъ, когда личность автора уже по обложкѣ, титулу и чистой страницѣ стала для читателя уже нѣсколько вырисовываться. Прочитываемъ—нѣкоторое разочарованіе... Это „*crede*“ можно назвать самое большее *уточненіемъ* какого-то ничтожнаго, вялаго и никому не интереснаго друга. Но „вѣры“ здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Желаніе снисходительно отнестись къ автору заставило насъ перевернуть еще страницу. Но одна изъ нихъ (по нумераціи 2-я) оказалась совсѣмъ чистой, на 3 и 4 стихотвореніе „Гусляру“—непонятно... на 5—стихотвореніе „Благослові (моей дорогой мамѣ)“. Два посвященія сначала себѣ самому, затѣмъ матери, себѣ какъ гусляру, въ своей книжкѣ самимъ собою...

Какова же можетъ быть оцѣнка этого гуслярства?

Опять увѣщанія и подговариванія на добрыя дѣла, съ полнымъ со-

знаніемъ своего безсилія и ненужности. А мы думали, что передъ нами герой!

Съ 6 страницы идетъ рѣдкій по своей постоянности и выдержанности перебѣвъ этихъ „безсильныхъ словъ“, вялыхъ и тусклыхъ. Мы давно уже не встрѣчали такого безпѣтнаго и жалкаго нытья. Авторъ сначала поощряетъ себя и подбадриваетъ тѣмъ, что онъ знакомъ съ „вдохновеніемъ“ и „муками творчества“, но потомъ въ стихахъ махнулъ на все руками, начинаетъ выпрашивать для себя поддержки на своемъ жизненномъ пути у матери, друга, у ночи, деревни, братьевъ и особенно у „ней“ (стр. 9, 10, 21 и т. д.). Въ другихъ стихотвореніяхъ онъ все неустанно мечтаетъ о погибшемъ счастьѣ и несбывшихся надеждахъ (стр. 48, 50, 42, 44, 47, 22, 146, 147 и т. д.), постоянно сомнѣвается, сожалеетъ, скорбитъ и наводитъ такое отчаянное уныніе и скуку на читателя, что становится душно и противно...

Стихъ гладкій, но безцвѣтный, избитыя приемы повторяются даже въ одномъ и томъ же стихотвореніи (возьмите хотя бы „*Crede!*“ первое стихотвореніе — строки 2 и 4—бури-лазури; строки 13 и 15—бури и лазури).

Но попадаются у г. Савинова и вычурныя стихотворенія (наприм., *Передъ толпой*)—эта старая манера дурного тона. Поэтъ, въ данномъ случаѣ г. Савиновъ, будто бы всему міру

...говорилъ про силу идеала,
Я звалъ на подвиги людей,

вообще дѣлалъ прекрасныя вещи смѣло и благородно, а его не поняли. Слышалъ онъ даже „*злорадный смѣхъ*“ въ отвѣтъ на высокіе призывы и даже, говорить онъ,

Безумный крикъ озлобленныхъ проклятій
Мнѣ уши раздражалъ...

Но кто же этому повѣритъ! Гдѣ онъ призывалъ и кто его проклиналъ? Смѣшно и обидно читать такіе нелѣпые стихи среди пустыни нытья.

Остается вопросъ: чѣмъ объяснить появленіе подобной книжки стиховъ (а такихъ „книжекъ стиховъ“ много, почему мы и остановились болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, надъ книжкой г. Савинова). Чѣмъ? Развѣ—„признакомъ времени“. Но чѣмъ объяснить 2-е изданіе?—Это необъяснимо.

А. В. Кругловъ. Домна-ректорша. Повѣсть. Изданіе В. С. Спиридонова. Москва, 1901 г. Ц. 50 к. Просто и тепло описывается здѣсь бытъ семинаристовъ, живущихъ въ губернскомъ городѣ на ученической частной квартирѣ Домны Никитишны. Эта послѣдняя своимъ истинно материнскимъ и вполне безкорыстнымъ отношеніемъ къ дѣтямъ заслужила всеобщую любовь и уваженіе въ духовномъ сословіи. Родители дѣтей цѣнили въ ней также и ея необыкновенную доброту: она никогда не отказывала въ приѣмѣ къ себѣ дѣтей-сиротъ и бѣдняковъ, которымъ не подъ силу было платить за свое содержаніе. Слѣдя за нравственнымъ и физическимъ благополучіемъ своихъ воспитанниковъ, Домна нерѣдко являлась ходатаемъ за нихъ передъ семинарскимъ начальствомъ, въ случаяхъ, когда мальчикамъ угрожала какая-нибудь опасность отъ чрезмѣрно-строгой взыскательности педагоговъ. Построенныя на основахъ искренней и сердечной любви къ дѣтямъ, взаимныя отношенія послѣднихъ и Домны, прозванной „ректоршей“, выливались въ простыя и симпатичныя формы. Въ повѣсти есть не мало трогатель-